

Знаменитому писателю, автору «МН» Василию АКСЕНОВУ 20 августа исполняется 70 лет

Анатолий ГЛАДИЛИН

КЛЯНУСЬ, мы так не договаривались! Не договаривались мы, что Аксенову будет когда-то 70 лет, а мне где-то около этого... Нам с Коллегами казалось, что Вася, выигравший Звездный билет и подкрепившийся Апельсинами из Марокко, Катапультирует Под небом знойной Аргентины на своей любимой Затопленной бочкотаре и, зацепившись за Золотую нашу железку где-то На полпути к Луне, будет купаться там в лучах громкой славы. Ну и мы, вместе с Товарищем Красивым Фуражкиным и Местным хулиганом Абрамашвили, каким-то чудом подтянемся к нему и останемся там вечно задорными, веселыми и молодыми, говоря потом следующим поколениям: «Жаль, что вас не было с нами». Но случился очень сильный Ожог, в результате которого нас всех разбросало по разным странам и континентам, а уж когда от России отделился Остров Крым, то вообще пошел сплошной Бумажный пейзаж, на котором изредка просвечивался Негатив положительного героя. Наступили времена — Все на продажу...

Чуда не произошло. Чудес, вопреки законам природы, не бывает. Однако, как я теперь понимаю, настоящих чудес мы не заметили, вернее, воспринимали их как должное. В шестидесятые годы, словно по мановению волшебной палочки и вопреки всем законам и традициям страны победившего социализма, в литературе появились молодые яркие таланты: Андрей, Булат, Бэлла, Володя, другой Володя, Жень, Жора, Роберт, Юра... (Список пускай читатели продолжат по собственному усмотрению, я назвал лишь тех, кто тогда были первыми.) Чудом были поэтические вечера в Политехническом музее, на которых студенты прорывались через милицейские кордоны. Чудом были номера «Юности», с аксеновскими повестями и романами, которые читали в каждом вагоне метро и электрички. Чудом было и то, что никто из нас никому не завидовал, наоборот, мы любили друг друга, помогали, и с каждой новой публикацией поздравляли примерно так: «Ну, старичок, гениальную написал штуковину!» Привыкшие к миллионной читательской аудитории, мы не понимали, что это само по себе чудо. И уж, конечно, подумать не могли, что доживем до времен (те, кто дожил), когда книги будут издаваться крошечным пятидесятитысячным тиражом.

АКСЕНОВ заглядывает в мой текст. Строго:

— Чего тебя на сентиментальность потянуло? Уже возрастное? И почему ты этого из списка не вычеркнул? Я с ним не разговариваю. Вот он показал себя демократом, как до переделкинских дач дошло, так он с Феликсом Кузнецовым стал обниматься.

Я говорю Аксенову, что мои воспоминания из древней истории, из прошлого тысячелетия, а в прошлом тысячелетии так оно и было, и ничего нельзя вычеркивать. А ты, Вася, походи побегай и не мешай мне работать. Ты же знаешь, с каким трудом я пишу. Помнится, сию я в зимних Дубултах и с ненавистью гляжу на чистый лист бумаги...

Я сижу в своей комнате, в старом флигеле Дома творчества «Дубулты», и с ненавистью гляжу на чистый лист бумаги. Так обычно у меня начинается работа: час гляжу с ненавистью, потом появляется первая строчка. А в соседней комнате Аксенов. Значит, в тот день я несколько часов испепеляю ненавистью чистый лист, и ничего не появляется. Дай, думаю, загляну к Аксенову — что он там делает и не увел ли его Поженин? Тихонько открываю балконную дверь, прохожу по снегу к окну

АКСЕНОВСКАЯ САГА

Моск. Кавказ-2008 19 авг. — с. 15.

Василий Аксенов

Аксенова (тайком заглядываю в чужую жизнь!) и что я вижу: Аксенов, сволочь, вдохновенно пишет, пера не отрывает от бумаги, и лицо у него такое счастливое! Таким счастливым я больше никогда его не видел.

Помню и другое. Седьмое марта 1963 года. Я жду в ЦДЛ, когда вернутся наши ребята. Наши ребята (смотри по списку) — на встрече Партии и Правительства с творческой интеллигенцией. Наши ребята держатся молодцом, вчера хорошо выступал Роберт... Но почему-то долго затягивается эта встреча с Партией и Правительством. Наконец в Пестрый зал входит Аксенов. Лицо белое, безжизненное. Впечатление, что никого не видит. Я молча беру Аксенова под руку, подвожу его к буфету, говорю буфетчице, чтоб налила полный фужер коньяку, и медленно вливаю в Аксенова этот коньяк. Тогда он чуть-чуть оживает и бормочет: «Только, полный разгром. Теперь все закроют. Всех передупшат...» Далее мы сидим за столиком вместе с Эриком Неизвестным, тоже вернувшимся со встречи, и Эрик, которому, после Манежа, уже ничего не страшно, внятно рассказывает, что происходило на встрече с Партией и Правительством. Хрущев топал ногами на Вознесенского. Хрущев стучал кулаком по столу и кричал Аксенову: «Вы мстите нам за своего отца!» А Вася, по его словам, отвечал Хрущеву — дескать, почему я должен мстить, мой отец вернулся из лагеря живым. А по словам Эрика, Вася стоял на трибуне совершенно растерянный и повторял: «Кто мстит? Кто мстит?»

Между прочим, для полноты картины: в те времена никто из наших ребят не умел выступать с трибуны. Кроме Того, Которого Аксенов сейчас хочет вычеркнуть из списка. Тот был талантлив во всем, даже в области политической демагогии.

ПОСЛЕ Международного женского праздника 8 марта советская пресса как с цепи сорвалась. В сельскохозяйственных и промышленных изданиях клеймили молодых писателей-модернистов, оторвавшихся от народа. По старым меркам, двух статей в «Литературке» хватило бы на десять лет лагерей, а «Литературка» плевалась полгода. Но ведь Хрущев был непредсказуем. И вот на собрании Союза писателей я слышу старого партийного держиморду, который чуть ли не сквозь слезы причитает: «Аксенова вся наша общественность ругает, а он по заграницам разъезжает! Как

же так, товарищи?» Ушлые товарищи негодуют, но смекают, что ничего так просто в нашей стране не происходит, значит, это какой-то знак свыше — дескать, Аксенова можно кусать, но съест нельзя. А я-то знал, что произошло на самом деле. В понедельник 9 марта Аксенов обнаружил у себя на столе заграничный паспорт и авиабилет: В последние кошмарные дни он совсем забыл, что включен в делегацию советских кинематографистов на кинофестиваль в Аргентину. Аксенов решает: была не была, кладет в чемодан пару сухарей — на случай если его арестуют прямо в аэропорту, — и мчит в Шереметьево. В Шереметьево его радостно приветствует делегация кинематографистов. Самолет улетает. В середине дня на аксеновской квартире звонит телефон, требуют Аксенова. Кира (его первая жена) нелюбезно осведомляется, кто его спрашивает. Ей еще более нелюбезно отвечают: «Из ЦК партии». — «Нет его!» — «А где он?» — «Улетел в Аргентину». Гробовая пауза. Затем истошный вопль: «Кто пуст-и-и-и-и!»

Ну, прошляпили, накладку вышла. Зачем в этом признаваться? Сделаем вид, что так и было задумано. И игры с Аксеновым продолжались. (Впрочем, в хрущевскую оттепель со всеми нами играли. Получаешь по морде, выбрасывают из сверстанного журнала твою повесть, рассыпают набор книги, отменяют премьеру пьесы, а потом, через несколько месяцев, вдруг — звоночек с интересным предложением.) Я очень любил устный рассказ Аксенова о том, как его принимал министр культуры РСФСР. Огромный кабинет, чашек, «коньячку не жалеете?». Старший партийный товарищ вразумлял молодую смену ласково и доверительно: «Василий Палыч, твою мать, написали бы вы что-нибудь, на х., для нас. Пьеску о такой, б., чистой, о такой, б., возвышенной, на х., любви... У нас тут, б., не молочные реки и не кисельные, твою мать, берега, но договорчик мигом, на х., подпишем. И пойдет, блин, твоя пьеска гулять по России, к этой самой матери». Все нормативные слова министра культуры Аксенов запомнил. Ненормативную лексику запомнить было невозможно, а беседа продолжалась час. Большим был мастером русского языка руководящий товарищ. Теперешним новым русским надо бы поучиться у старой партийной гвардии...

ПРИ Брежневле игры стали жестче и изощреннее. Звонит мне в Париж (а я

уже отщепенец, клеветник и работаю на вражеской радиостанции) знакомый итальянский переводчик в полной панике. Он перевел аксеновский «Ожог» на итальянский. Книга готова, тираж отпечатан, а тут приехала дама из Москвы, утверждает, что она лучшая подружка Аксенова и от его имени требует пустить тираж под нож или задержать выход «Ожога» хотя бы на год. Знаешь ли ты эту даму? Я отвечаю — мол, знаю, при мне еще был их бурный роман, тут она не врет. Но мы с Аксеновым, когда он последний раз был в Париже, рассматривали все варианты, и такой тоже. Поэтому последнее слово за мной. И я говорю: «Немедленно, пустить «Ожог» в продажу. Итальянское издание романа и пресса вокруг него — залог безопасности советского автора».

Аксенова вытаскивают в эмиграцию. В парижском аэропорту автора прогремевшего «Ожога» встречает пресса, кино и телевидение. Я везу аксеновское семейство на их временную парижскую квартиру и тихонько осведомляюсь у Васи, в курсе ли он «итальянского инцидента»? Не в курсе. Тогда я рассказываю, добавляя от себя комментарии, типа — как же так, Вася, ведь такая у вас любовь была, и она продала тебя с потрохами! «Ну что ты хочешь», — философски замечает Аксенов, — видимо, ГБ ее поймало на чем-то и завербовало. Слабая женщина. И не таких ГБ ловило и ломало».

АКСЕНОВ заглядывает в мой текст.

— Только, ты соображаешь, что пишешь? Хочешь, чтоб у меня был семейный скандал? Я ведь не помню, она была до Майи или одновременно с Майей.

Майя — вторая жена Аксенова. Я его успокаиваю. По моим подсчетам, она была точно до Майи. Аксенов смотрит на меня подозрительно: «А чего ты вдруг в воспоминания ударился? Наступило время мемуаров?»

Я знаю, что, по теории Аксенова, писание мемуаров — это для литератора абсолютная сдача позиций. Дальше только гроб. Я объясняю, что сейчас перейду к анализу творчества, а пока хочу рассказать о Том, с кем ты не разговариваешь, но очень дружил когда-то (как и все мы). Как Тот явился к тебе на квартиру в Вашингтоне и начал получать — что ты имеешь право делать в эмиграции, а чего не должен делать ни в коем случае. Ты был потрясен и потом перезвонил мне в Париж и повторил его текст, и я подтвердил: «Чистой воды гзбэшная диктовка». И еще я хочу рассказать о Феликсе Кузнецове, как он, уже в другие годы, после перестройки, бросился к тебе обниматься-целоваться. А ведь Феликс Кузнецов был главный травитель авторов «Метрополя». Теперь-то выяснилось, что не ЦК и не ГБ организовали кампанию против альманаха «Метрополь». То есть они, конечно, не препятствовали травле, но инициатором всей кампании был Феликс Кузнецов, на вас он делал карьеру. Так что, Вася, походи побегай.

АКСЕНОВ убегает. Уф! Пользуясь его отсутствием, спешу набедничать. Жуткий образ жизни ведет тов. Аксенов. Просыпается утречком и, вместо того, чтобы перевернуться на другой бок, садится за стол и пишет ручкой странички две нетленки. Затем убегает куда-нибудь на час. Потом едет в университет преподавать американским студентам на ихней фене русскую литературу. (Слухи о том, что Аксенов бросает университет, сильно преувеличены. Пока он пропускает один семестр.) Вернувшись из университета, Аксенов запирается у себя в кабинете и работает до позднего вечера. А если выпадает свободное время, то он, вместо того, чтобы проводить его, как и все порядочные пожилые люди, в приемной у врачей, играет в баскетбол. Раз в год он мне звонит и сообщает: «Ну, я новый роман написал. А

ты?» А я, стыдно сказать... Почему я люблю, когда он бежит? Знаю, что в тот момент он точно не пишет.

О его книгах, написанных в Америке, в американской прессе опубликовано больше статей, чем о любом русском авторе, выходец из СССР (кроме, естественно, двух наших нобелевских лауреатов, с ними не сравниваю). Тем не менее Аксенов в Америке так и остался известным писателем для узкого круга. Подозреваю, что он хотел быть автором американского бестселлера и весьма огорчился, что ничего не получилось. По моему разумению, даже теоретически не могло получиться. Чтоб создать американский бестселлер, надо писать плохо и о глупостях. А вот этого Аксенов, при всем старании, не сумеет. Мне кажется, Аксенов переживает, что его романы остаются вне поля зрения и нынешней российской критики, то есть модной литературной тусовки. Однако, чтоб стать модным в России, надо написать роман на острую, актуальную тему. Острым, актуальным романом в России сейчас считают книгу, где кого-то поливают дерьмом (существует другой, более точный глагол из ненормативной лексики, но я его не употребляю). Публика радуется количеству вылитого дерьма, а ученая критика анализирует квинтэссенцию этого материала. И все довольны. Но Аксенов продолжает рисовать своих, аксеновских героев, и пишет о вечных проблемах — любви, смерти, предательстве, верности долгу и т.д. А кого это ныне интересует?

ПРОШЛЫЙ век был апогеем книги. Книга, по разным причинам, являлась учебником жизни, зеркалом на большой дороге, отвечала на вопросы: «Что делать?» и «Кто виноват?». За книгу сажали в тюрьму, за книгу убивали. Книга была предметом искусства, читатели заучивали наизусть страницы прозы. Апогей пройден. Книга превратилась в обыкновенный товар, как редиска, как мыло, как подштанники. А товар надо уметь продавать, только и всего. Вот что пишет по этому поводу один литератор:

«...В наше время хлопотливой и бессмысленной суеты, когда никто не дослушивает друг друга до конца, когда книги не дочитываются, но лишь открываются, с единственной целью дальнейшего — «по поводу» — словесного блуда, когда творцы бешено колотят по своим пишмашинкам, одержимые возвышенными идеями попасть в коммерческие книжные клубы, огрести лопатой пресловутые «роялти», ублажить мегаломанические свои страстишки, хапнуть, хапнуть, хапнуть, создать вокруг себя клику подхалимов и отшвырнуть подальше малопочтительных коллег, которые и сами, погрязая в бесконечных пустопорожних интервью, презентациях, публичных дискуссиях, зверея от телефонных звонков, гонят, гонят круговую безостановочную гонку, без промежуточных финишей, стараясь хоть на секунду задержать внимание совершенно озабоченных под потоками книжного дерьма читателей, поразить мир злодейством, стащить с себя штаны, плюнуть в суп соседу по коммуналке...»

Согласитесь, абсолютно злободневное описание российских литературных нравов. Точнее не скажешь. Смущают, правда, пишмашинки: нынче бешено колотят по клавишам компьютера. Я процитировал отрывок из статьи, опубликованной в нью-йоркской газете «Новое русское слово» 6 ноября 1984 года. Статья посвящалась памяти американского профессора и издателя «Ардиса» Карла Проффера, а заодно описывала положение на американском и эмигрантском книжном рынке. Автор статьи — Василий Аксенов. Через 18 лет все совпало.

Как говорится — дар предвидения.